

Содержание

Предисловие научного редактора перевода	8
Предисловие к российскому изданию	10
Предисловие к первому изданию.....	13
Предисловие ко второму изданию.....	15
Предисловие к третьему изданию	16
Предисловие к четвертому изданию	17
Введение.....	18
Предварительный обзор	18
Природа метафизики: некоторые соображения исторического характера	19
Метафизика как категориальная теория	29
Рекомендуемая литература.....	36
1. Проблема универсалий I:	
Метафизический реализм.....	37
Предварительный обзор	37
Реализм и номинализм	38
Онтология метафизического реализма.....	40
Реализм и предикация	43
Реализм и абстрактная референция	50
Налагаемые на реализм ограничения: экземплификация	54
Дальнейшие ограничения: определенные и неопределенные предикаты	62
Возможны ли неэкземплифицированные атрибуты?.....	68
Рекомендуемая литература.....	72
2. Проблема универсалий II: Номинализм.....	73
Предварительный обзор	73
Предпосылки номинализма	74
Строгий номинализм.....	80
Металингвистический номинализм	93
Теория тропов.....	106
Фикционализм.....	117
Рекомендуемая литература.....	120
3. Конкретные партикулярии I:	
Субстраты, пучки и субстанции	121
Предварительный обзор	121
Теория субстрата и теория пучков.....	122

Довод против теории пучков: субъектно-предикатный дискурс	133
Еще один аргумент против теории пучков: тождество неразличимых	139
Довод в пользу теории субстрата	146
Проблематичность теории субстрата.....	149
Аристотелевские субстанции	154
Рекомендуемая литература.....	168
4. Пропозиции и их соседи	169
Предварительный обзор	169
Традиционная теория пропозиций.....	170
Номиналистский подход к пропозициям.....	182
Факты, положения дел и события	197
Рекомендуемая литература.....	207
5. Необходимое и возможное	209
Предварительный обзор	209
Проблемы модальности	210
Возможные миры.....	216
Номинализм возможных миров	220
Метафизика номинализма возможных миров: Дэвид Льюис	226
Актуализм и возможные миры: Алвин Плантинга.....	235
Рекомендуемая литература.....	251
6. Причинно-следственные отношения	252
Предварительный обзор	252
Теория причинности Юма.....	252
Возражения против теории Юма.....	258
Неоюмовские подходы	263
Рекомендуемая литература.....	273
7. Природа времени	275
Предварительный обзор	275
Аргумент Мак-Таггарта.....	276
В-теория	284
А-теория.....	290
Новая В-теория	301
Рекомендуемая литература.....	307
8. Конкретные партикулярии II:	
Неизменность объектов во времени	308
Предварительный обзор	308
Две теории постоянства: эндурантизм и пердурантизм	309

Сохранение во времени и природа времени.....	314
Онтология пердурантизма	320
Довод в пользу пердурантизма: изменение свойств объекта.....	325
Второй довод в пользу пердурантизма: изменение объекта по частям.....	332
Рекомендуемая литература.....	343
9. Конкретные партикулярии III:	
Части и целое.....	344
Предварительный обзор	344
Проблема многих.....	345
Мереологический нигилизм	348
Мереологический модератизм.....	352
Мереологический универсализм	364
Метафизика конституции	365
Партизм.....	370
Относительное тождество.....	372
Простой универсализм	375
Рекомендуемая литература.....	380
10. Метафизическая неопределенность	382
Предварительный обзор	382
Что такое метафизическая неопределенность?.....	383
Эпистемическая неопределенность	388
Возможны ли примеры метафизической неопределенности?.....	393
Композиция и метафизическая неопределенность.....	394
Будущие контингенты и метафизическая неопределенность.....	399
Квантовая физика и метафизическая неопределенность.....	400
Лингвистическая и метафизическая неопределенность.....	401
Этическая неопределенность и метафизическая неопределенность	404
Аргумент Эванса против нечеткого тождества	405
Рекомендуемая литература.....	414
11. Проблема анти-Реализма	415
Предварительный обзор	415
Две точки зрения на природу реальности.....	415
Анти-Реализм Даммита.....	423
Непостижимость референции	433
Анти-Реализм Патнэма	442
Реализм или анти-Реализм?	448
Рекомендуемая литература.....	460
Библиография	461

Предисловие

научного редактора перевода

Данная книга является современным введением в раздел философии, называемый метафизикой. Авторы, Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп, используют восходящее к Аристотелю представление о метафизике, понимаемой как учение о категориальной структуре реальности. Категории — это предельно общие понятия, и метафизики рассуждают, какие категории обозначают то, что существует, и как они соотносятся между собой.

С момента первой публикации в 1998 году работа выдержала четыре переиздания. Автором предыдущих трех изданий был Лакс, а в четвертое, перевод которого представляется вниманию читателя, добавлены две главы, написанные Томасом Криспом, — глава 9 о мереологии конкретных партикулярий и глава 10, посвященная метафизической неопределенности. С Майклом Лаксом я имел удовольствие познакомиться лично в 2014 году на семинаре-практикуме по аналитической философии. В свободное от семинара время мы как обсуждали сложные проблемы метафизической структуры реальности, так и шутили об устройстве современных университетов. По обеим темам у моего собеседника есть информированное мнение. Лакс долгое время работал руководителем департамента философии в католическом Университете Нотр-Дам, а метафизика — это его основная философская специализация.

В книге затрагиваются практически все классические вопросы метафизики. Она начинается с дебатов реалистов и номиналистов о природе универсалий. В первых главах демонстрируется, что спор об универсалиях — это не только проблема средневековой схоластики, но и предмет живого внимания современных философов. Заканчивается книга обсуждением фундаментального вопроса о границах познаваемости реальности и нашей способности производить о ней истинные суждения. Мне представляется, что это — принципиальный и в высшей степени важный вопрос, имеющий значение не только для академической философии.

В книге раскрываются аргументы приверженцев разных теорий, при этом взгляды самих авторов, как правило, оказываются на стороне реалистической метафизики здравого смысла. Авторы симпатизируют таким метафизическим представлениям, согласно которым предметы нашего повседневного мира, их свойства и отношения между ними реальны и познаваемы. При этом альтернативные взгляды с точки зрения здравого смысла могут показаться довольно экстравагантными: например, утверждение Дэвида Льюиса о реальности всех возможных миров или идея о том, что носителем всех свойств вещей является чистый субстрат, который, в свою

очередь, не обладает никакими свойствами. Важность серьезного анализа такой экстравагантной метафизики объясняется необходимостью решения парадоксов, которые возникают внутри реалистической метафизики здравого смысла. Альтернативные взгляды излагаются в книге столь же подробно.

В работе над переводом наибольшую сложность составляло то, что многие термины в отечественной философии либо ранее не использовались, либо не являлись сколько-нибудь устоявшимися. При переводе мы с Марией Семиколенных старались точно передать смысл текста, добиваясь при этом как можно более естественного его звучания, даже если это означало отступление от буквального перевода некоторых предложений. Перевод будет полезен в первую очередь преподавателям и студентам философских факультетов, а также всем, кто интересуется аналитической философией. «Метафизика: Современное введение» — это ключ к пониманию работ по метафизике как отечественных, так и зарубежных авторов. Чтение данной книги уже предполагает наличие некоторой философской подготовки. Всем тем, кто такую подготовку имеет и приступает к изучению именно метафизики, я рекомендую начать с данного введения, а потом уже переходить к первоисточникам.

За помощь в подготовке издания я бы хотел поблагодарить Алексея Гегинского, Александра Павлова, Марию Секацкую, Татьяну Фомину, Игоря Гаспарова, Максима Демина, Богдана Фауля, Андрея Мерцалова и Евгения Логинова. Отдельно отмечу замечательную работу переводчика Марии Семиколенных, которой я искренне признателен за тщательность и терпение. Также выражаю благодарность Майклу Лаксу и Томасу Криспу за саму книгу и за ответы на вопросы, которые возникали при подготовке перевода.

Сергей Левин

Предисловие

к российскому изданию

Радостно видеть, что четвертое издание книги «Метафизика: Современное введение» переведено на русский язык и российские философы могут с ним ознакомиться. Мы надеемся, что этот перевод будет способствовать плодотворным взаимоотношениям между тем видом аналитической метафизики, о котором идет речь в этой книге, и богатой традицией российской философской и теоретической мысли. От всей души благодарим Сергея Левина за то, что он взялся за этот проект.

Сергей Левин попросил нас в нескольких словах познакомить российских читателей с традицией аналитической метафизики, и поэтому ниже мы предлагаем вашему вниманию краткие пролегомены к аналитической метафизике с описанием ее отличительных особенностей и изложением истории.

Согласно традиционным представлениям, метафизика — это раздел философии, стремящийся ответить на вопрос, каковы основные виды существующих вещей и каковы отношения между принадлежащими к этим видам вещами — как они структурированы или организованы.

Сложнее сказать, что такое аналитическая метафизика. Многие современные философы сомневаются в том, что между так называемыми аналитическими подходами к философии (впервые описанными такими мыслителями начала XX века, как Бертран Рассел, Дж.Э. Мур и Людвиг Витгенштейн) и другими ее направлениями до сих пор существует какое-либо содержательное различие. Однако мы считаем, что в самом общем виде различие между применением аналитической методологии в метафизике и другими подходами к этой дисциплине целесообразно изложить следующим образом. Аналитические подходы к метафизике — это такие подходы, которые i) стилистически ближе к работам Бертрانا Рассела и Дж.Э. Мура, которые концентрировались на исследовании строго определенных философских проблем, уделяя при этом особое внимание логической строгости и концептуальной отчетливости, чем таких мыслителей, как Ф.Г. Брэдли, Джосайя Ройс и Дж.М.Э. Мак-Таггарт, выстраивавших масштабные спекулятивные системы, зачастую описываемые в выражениях невразумительных и туманных; применительно к которым ii) к числу образцов стиля и методологии при исследовании метафизических проблем относят *inter alia* работы Уилларда Ван Ормана Куайна, Родерика Чизолма, Сола Крипке, Дэвида Льюиса и Алвина Плантагини; и iii) в рамках которых считается, что современная логика и формальная семантика помогают добиться философской ясности при рассмотрении проблем метафизики. Приходится со-

гласиться с тем, что это не слишком четкое различие, но в том-то и соль: различие между аналитическими и иными подходами к метафизике четким не является.

Скажем теперь несколько слов об истории аналитической метафизики. Некоторые считают, что само выражение «аналитическая метафизика» является своеобразным оксюмороном, поскольку аналитическая философия — это, по сути своей, антиметафизическое направление в философии. В конце концов, не были ли ее создателями такие люди, как Рассел и Мур, отвергавшие всеобъемлющие метафизические системы Брэдли, Ройса, Мак-Таггарта и прочих мыслителей? И разве не аналитические философы совершили так называемый «лингвистический поворот»? Так, Майкл Даммит пишет:

Только Фреге наконец определил подлинный объект философии, то есть, во-первых, назвал целью философии анализ структуры мысли; во-вторых, заявил, что изучение мысли следует четко отделять от изучения психологического процесса мышления; и, наконец, указал, что единственным адекватным методом анализа мысли является анализ языка... Все философы аналитической школы принимают эти три основополагающих принципа¹.

И не является ли такое представление о философии, согласно которому основная задача философского исследования — это анализ языка, несоместимым с целями традиционной метафизики, объект которой гораздо шире, чем язык?

Да, несомненно, концепция философии, которую в приведенной выше цитате бегло набрасывает Даммит, противоречит характерным для традиционной метафизики представлениям о философии и ее попыткам изучить характер и структуру реальности. Но если под «аналитической школой» Даммит подразумевает группу философов XX и XXI веков, которых повсеместно считают образцовыми «аналитическими философами», то он ошибается в том, что вышеизложенные представления о философии разделяются всеми представителями школы аналитической философии. Как хорошо известно, на первом этапе своего развития аналитическая философия (сошлемся здесь на ранние работы Рассела, Мура и Витгенштейна) была вполне метафизической по своей методологии — ее весьма занимали вопросы структуры и характера реальности. Даже в 1930-е и 1940-е годы, когда антиметафизический подход к философии, разделяемый логическими позитивистами и последователями Витгенштейна, был на пике своего влияния среди англоязычных философов, немало мыслителей, считающихся образцовыми аналитическими философами, превосходно занимались исследо-

¹ Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 458.

ваниями в области традиционной метафизики. (Здесь можно вспомнить о таких философах, как Ч.Д. Брод, Д.К. Уильямс и К.Дж. Дюкасс.)

К началу 1950-х годов, когда была опубликована книга Куайна «С точки зрения логики», нападки последнего на эмпиризм и сформулированный им так называемый «критерий онтологических обязательств» поспособствовали возрождению среди аналитических философов интереса к проблематике традиционной метафизики. Самого Куайна интересовало, обязывают ли нас научные постулаты соглашаться с существованием множеств (наборов объектов, чье существование — нечто, превышающее существование входящих в них объектов по отдельности). Его подход к этому вопросу существенным образом повлиял на Родерика Чизолма и Дэвида Льюиса, сталкивавшихся с Куайном в Гарварде. Они исследовали, могут ли постулаты науки вместе с постулатами здравого смысла обязать нас признать существование, например, универсалий, нематериальных душ и возможных миров. Их работы периода 1960-х и 1970-х годов вернули многие вопросы традиционной метафизики в поле зрения аналитической философии. К середине 1970-х «Именованное и необходимость» Крипке наряду с другими новаторскими работами в области эссенциалистской метафизики (Льюиса, Плантинги, Дэвида Каплана и Рут Баркан Маркус, *inter alia*) сделали традиционную метафизику и ее проблематику центральной для аналитической философии.

Все это означает, что «аналитическая метафизика» — вовсе не оксюморон. Несомненно, важная и влиятельная фаза развития аналитического движения (фаза, связываемая прежде всего с именами таких философов, как А.Дж. Айер и последователи позднего Витгенштейна) носила антиметафизический характер, но такой подход не был типичным ни для инициаторов движения, ни для многих из важных его участников посткуайновского периода. Сегодня большинство тех, кто называет себя аналитическими философами, поостерегутся говорить о философии как о прежде всего анализе языка и согласятся с тем, что традиционная метафизика является вполне обоснованным философским проектом.

Как станет ясно из нашей книги, это проект, непрерывно привлекавший внимание важнейших фигур современной аналитической философии, много размышлявших над различными темами, исторически относившимися к области метафизики: существованием и природой универсалий, природой субстанций, истины, возможности и необходимости, природой времени, метафизикой частей и целого и т.д. «Аналитическая метафизика» — не оксюморон, а бурно развивающаяся исследовательская программа.

Мы надеемся, что вы сочтете наше изложение некоторых из ее основных и наиболее современных достижений полезным и интересным.

Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп

Предисловие к первому изданию

У метафизики — долгая история, и в ходе этой истории воспринимали ее по-разному. В рамках различных концепций метафизика как дисциплина обрела различные методологии и даже различные предметы исследования, и любому, кто желает написать введение в метафизику, приходится делать выбор между этими концепциями. По причинам, которые я стараюсь прояснить во введении, я решил следовать очень древней, восходящей к Аристотелю традиции, видящей в метафизике попытку дать объяснение бытию как таковому. Согласно этому подходу, метафизика — самая универсальная из дисциплин, а ее цель — изучение природы и структуры всего существующего. Центральное место в этом проекте занимает описание категорий бытия. Категории — это наиболее общие или высшие виды, на которые делится все, что существует. Сторонник этой концепции метафизики должен выявить соответствующие виды, определить присущие каждому из них характеристики или категориальные свойства и указать, как эти очень общие категории соотносятся друг с другом. Однако оказывается, что специалисты по метафизике имеют разные представления о категориальной структуре реальности. Они не могут договориться, какие категории нужно выделять, и, даже условившись, какие категории следует ввести в нашу метафизическую теорию, расходятся в том, какие характеристики присущи этим разнообразным категориям и каковы иерархические отношения между ними. Эти разногласия привели к дискуссиям, составляющим самую суть занятий философией. Они и станут основной темой данной книги.

В двух первых главах речь пойдет о старейших и самых фундаментальных дискуссиях о категориях — дискуссиях о существовании и природе универсалий. Главный вопрос здесь таков: должна ли наша метафизическая теория включать в число основных категорий то, что является общим для нумерически различающихся объектов или разделяется ими? В главе 1 мы рассмотрим взгляды тех, кто отвечает на этот вопрос утвердительно (так называемых метафизических реалистов), а в главе 2 поговорим о представлениях тех, кто отстаивает отрицательный ответ (так называемых номиналистов). В главе 3 мы обратимся к исследованию природы и структуры привычных нам конкретных партикулярий повседневного мира. Вопрос опять-таки в том, образуют ли рассматриваемые объекты фундаментальную или элементарную метафизическую категорию. В главе 4 мы обсудим дебаты о существовании и природе семейства сложных сущностей, уделив основное внимание тому, что философы назвали «пропозициями». Также здесь будут рассмотрены дискуссии о том, что представляется относящимся к другим категориям, — о фактах, положении дел и событиях. За-

тем мы изучим одну из характеристик пропозиций — представление о них как о возможных, необходимых, невозможных и контингентных, а также тот факт, что они подлежат тому, что мы называем «модальностями». Эта особенность пропозиций оказалась в фокусе внимания многих современных метафизических дебатов, в центре которых — тезис о том, что понятие «возможный мир» позволяет нам пролить свет на природу модальности. В главе 5 мы обсудим различные подходы современных метафизиков к понятию «возможный мир» и то, какое место отведено этим подходам в их теориях модальности. В заключительной главе мы вернемся к пониманию привычных конкретных партикулярий повседневного мира. Здесь в центре внимания окажется временной статус привычных объектов. Обычные объекты — это вещи, сохраняющиеся во времени. Здесь встает интересный метафизический вопрос: как нам понимать это свойство обычных объектов? В главе 6 мы рассмотрим два противоположных подхода к проблеме пребывания во времени и исследуем отношение между метафизическими теориями природы времени и метафизическими теориями природы и структуры пребывающих во времени сущностей.

Рассматриваемые в данной книге темы представляют лишь часть проблематики, оказывающейся в центре внимания, когда философы предпринимают попытку выделить категории бытия. Однако это важные темы. Остается лишь надеяться, что знакомство с нашим изложением позволит читателю разобраться в том, что представляет собой метафизика, понимаемая как теория категорий.

Я хотел бы поблагодарить студентов, слушавших различные курсы по метафизике в Университете Нотр-Дам и ставших первыми читателями этой книги. Также я хочу поблагодарить Трентона Меррикса и Майкла Ри, прочитавших отдельные главы и давших мне полезные советы. Фрэнк Джексон и Джонатан Лоу, редактировавшие рукопись для издательского дома *Routledge*, спасли меня от ряда ошибок; я им глубоко благодарен. Но больше всего мне хотелось бы поблагодарить Мариана Дэвида и Дина Циммермана, давших подробнейший отзыв на первый черновик рукописи. Мне повезло, что у меня есть настолько талантливые и великодушные коллеги. И, наконец, я благодарю Маргарет Ящевич, профессионализм которой столь искусно скрыл мою компьютерную неграмотность.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие ко второму изданию

Подготовка этого издания предусматривала небольшую переработку текста первого издания и расширение библиографии. Но самым важным изменением стало добавление новой главы, посвященной дебатам Реалистов и анти-Реалистов. В центре внимания в этой главе оказывается понятие истины. Мой подход к проблеме истины предполагает описание основных мотивов традиционных представлений об отношениях между мыслью/языком и миром. Идея, которую можно возвести к эпохе становления философии в Древней Греции, состоит в том, что существует независимый от разума мир, и наши убеждения/утверждения истинны, если соответствуют ему. В наши дни эта идея оспаривается. В новой главе я рассматриваю доводы трех современных критиков традиционных представлений — Майкла Даммита, Уилларда В.О. Куайна и Хилари У. Патнэма. Всем троим идея независимого от разума мира представляется проблематичной, и все трое склонны понимать истину не в терминах теории соответствия, а эпистемически.

Публикация этого пересмотренного издания «*Метафизики*» совпала с публикацией тем же издательским домом *Routledge* антологии *Metaphysics: Contemporary Readings* — сборника очерков по современной метафизике, который я редактировал и к которому писал предисловие. Хотя в этой антологии затрагивается более широкий круг тем, основные рассматриваемые проблемы совпадают с теми, о которых идет речь в данной книге: универсалии, индивидуация, модальность и возможные миры, время, сохранение во времени, Реализм/анти-Реализм. В посвященных этим проблемам очерках упоминается большая часть работ, обсуждаемых в данной книге. Хотя эти два тома можно использовать независимо друг от друга, вместе они естественным образом составляют сборник текстов, необходимых для преподавания общего курса метафизики.

Я хотел бы выразить благодарность тем, кто помогал мне готовить второе издание. Прежде всего я хочу поблагодарить своего коллегу Мариана Дэвида, прочитавшего первый черновик новой главы и сделавшего полезные замечания для последующей редактуры. Я также хочу поблагодарить Маргарет Ящевич и Черил Рид — за помощь в подготовке рукописи к публикации. И, наконец, я хочу поблагодарить Тони Брюса и Шивон Паттинсон, которые курировали проект переиздания в *Routledge*: благодаря им это оказалось делом не столь обременительным, как могло бы быть.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие к третьему изданию

В это издание добавлены главы о причинно-следственных отношениях и о природе времени. В главе о причинно-следственных отношениях (глава 6) обсуждаются критика Юмом идеи необходимой связи и его анализ причинности как постоянного сочетания явлений. Затем рассматриваются более современные представления о причинности — как в работах, где подход Юма критикуется, так и в тех, где предпринимаются попытки защитить юмовское немодальное представление о причинности. В главе о времени (глава 7) обсуждается аргумент Мак-Таггарта в пользу нереальности времени и рассматривается реакция на этот аргумент сторонников так называемых А-теории и В-теории. Кроме того, в главу 2 я добавил короткий раздел, где обсуждается фикционализм в отношении абстрактных сущностей. Также рассуждения о пребывании во времени в главе 8 были пересмотрены в свете новой главы, посвященной времени.

Я хочу поблагодарить своих коллег — Майкла Ри, который помог разобраться с некоторыми проблемами, обсуждаемыми в главе 7, и Стивена Гримма, с чьей помощью я сориентировался в обширной литературе о проблеме причинности. Особую благодарность хотелось бы выразить Э.Дж. Коффману, прочитавшему две новые главы и давшему ценные советы о том, как их улучшить. Наконец, я хочу сказать спасибо Черил Рид за помощь в подготовке рукописи третьего издания.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие к четвертому изданию

К этому изданию были добавлены две главы: одна — об отношении между общепринятыми понятиями целого и его частей (глава 9 «Конкретные партикулярии III: Части и целое»), а вторая — о проблеме метафизической неопределенности (глава 10 «Метафизическая неопределенность»). Обе главы написаны Томасом Криспом. Кроме того, были пересмотрены девять глав, вошедших в третье издание. Большую часть правок и дополнений составляют отсылки к современным дискуссиям о рассматриваемых в этих главах проблемах. Единственным существенным изменением стал последний раздел главы 3: переделке подверглись страницы, посвященные теории субстрата в отношении конкретных партикулярий, — что, мы надеемся, пошло им на пользу.

Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп

Введение

Предварительный обзор

Философы расходятся во мнениях относительно природы метафизики. Аристотель и средневековые мыслители предлагают нам два разных подхода к этой дисциплине. Иногда они характеризуют ее как попытку выявить «первые причины» — в частности, Бога или Недвижимый движитель; иногда же — как очень общую науку о бытии как таковом. Однако они считали, что оба описания относятся к одной и той же дисциплине. Рационалисты XVII и XVIII веков, напротив, раздвинули границы метафизики. Они полагали, что ей следует заниматься не просто проблемой существования и природы Бога, но также проблемами различия между сознанием и телом, бессмертия души и свободы воли.

Эмпирики и Кант критиковали представления о метафизике как Аристотеля, так и рационалистов, утверждая, что те стремились выйти за пределы человеческого знания. Но даже Кант полагал, что существование метафизического знания может быть оправданным. Его задача — обозначить наиболее общие структуры, задействованные в наших размышлениях о мире. Эта кантианская концепция метафизики продолжает пользоваться популярностью у современных философов, настаивающих, что цель метафизики — охарактеризовать нашу концептуальную схему или концептуальную модель. Как правило, эти философы согласны с Кантом в том, что структура мира самого по себе нам недоступна и те, кто занимается метафизикой, должны довольствоваться описанием структуры нашего мышления о мире.

Обоснование этой кантианской концепции метафизики, однако, не особенно впечатляет; ведь если проблематичным является описание мира как он есть, то те же проблемы должны возникнуть и при попытке охарактеризовать наше мышление о мире. Но если мы согласимся, что аристотелевская или рационалистическая метафизика не была обречена изначально, придется признать, что исходя из этих двух концепций можно написать тематически весьма различающиеся сочинения по метафизике. В данной книге

мы будем отталкиваться от аристотелевского представления о метафизике как о дисциплине, исследующей бытие как таковое. Такое описание позволяет выявить наиболее общие виды или категории, под которые подпадают вещи, и проследить отношения, существующие между этими категориями.

Природа метафизики: некоторые соображения исторического характера

Нелегко сказать, что такое метафизика. Если обратиться к сочинениям о ней, то мы столкнемся с весьма различными представлениями об этой дисциплине. Иногда их авторы стремятся к описательности и сообщают нам, чем именно занимались философы, которых называли метафизиками. Иногда это нормативные представления — попытки определить, что следует делать философам, когда они занимаются метафизикой. Но независимо от того, являются ли эти представления дескриптивными или нормативными, они настолько по-разному характеризуют подходящие метафизике предмет и методы исследования, что независимому наблюдателю вполне может показаться, будто речь идет о разных дисциплинах. Разногласия по поводу природы метафизики, без сомнения, связаны с долгой историей ее существования. Философы занимаются или пытаются заниматься тем, что называют метафизикой, более двух тысяч лет. Результатом их усилий стали сочинения, посвященные самым разным предметам и использующие самые разные подходы. Но сложность определения единого предмета и единой метафизической методологии обусловлена не только долгой историей существования дисциплины. Уже в период ее возникновения ответ на вопрос, что же такое метафизика, не был однозначным.

Слово «метафизика», ставшее названием дисциплины, — заглавие одного из сочинений Аристотеля. Сам Аристотель этого названия ему не давал; так трактат назвали мыслители более позднего времени. Дисциплину, о которой в нем шла речь, Аристотель называл *первой философией*, или *теологией*, а знание, являющееся ее целью, — *мудростью*. Тем не менее дальнейшее использование заглавия «Метафизика» дает все основания предположить, что в сочинении Аристотеля идет речь именно о том, что мы называем метафизикой. К сожалению, Аристотель по-разному говорит о задаче, которую решает в своей книге. В некоторых случаях он сообщает, что в данном сочинении ищет знания *причин и начал*¹. Из этого следует, что метафизика принадлежит к числу самостоятельных дисциплин — это дисциплина, предмет которой отличается от предметов любых других дисциплин. Ка-

¹ Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. Т. 1. I.1.

кой предмет подразумевается под понятием «первые причины»? Возможно, множество разных явлений; основным, однако, выступает Бог или Недвижимый движитель. Следовательно, предметом дисциплины, которую впоследствии стали называть метафизикой, является Бог — и Аристотель нам довольно много о ней рассказывает. Он сообщает, что это теоретическая дисциплина. В отличие от различных искусств, занятых сотворением чего-либо, и практических наук (этики, экономики и политики), метафизика стремится познать истину ради нее самой. В этом отношении она похожа на математику и различные естественные науки. Предметом первой являются величины (дискретные в случае арифметики и непрерывные — в случае геометрии), а последних — природа и структура материальных или физических субстанций (как живых, так и неживых), составляющих мир природы. Предметом метафизики, напротив, является нематериальная субстанция². А взаимоотношения между дисциплиной и ее предметом наделяют метафизику необычным статусом; в отличие от других дисциплин, она не просто предполагает существование своего предмета — по сути дела, ей нужно доказать существование нематериальной субстанции и тем самым оправдать свое существование. Поэтому проект доказательства существования за пределами мира природы Недвижимого движителя — это часть самой метафизики. Но, поскольку Аристотель полагает, что самостоятельная наука существует только там, где есть особый предмет изучения, он убежден, что метафизики могут быть уверены в существовании своей дисциплины лишь в том случае, если им удастся выполнить один из пунктов исследовательской программы этой дисциплины.

Однако Аристотель не останавливается на описании метафизики как исследования первых причин. Он также сообщает нам, что это наука, изучающая *бытие* как таковое³. По мере того, как это описание облекается плотью, метафизика становится не просто еще одной самостоятельной дисциплиной со своим особым предметом изучения, но, скорее, универсальной наукой, рассматривающей все сущее. В этом случае она исследует элементы, из которых слагаются предметы исследования всех прочих наук. Метафизику отличает то, как именно она исследует эти предметы; она рассматривает их с определенной точки зрения, в соответствии с которой они являются сущностями или вещами, которые существуют. Таким образом, метафизика рассматривает вещи как сущности или нечто существующее и пытается определить свойства или характерные особенности, которые они проявляют ровно потому, что являются сущностями или чем-то существующим. Следовательно, она стремится понять не только идею сущности, но

² См.: Aristotle. *Metaphysics* // *The Basic Works of Aristotle* / ed. R. McKeon. New York: Random House, 1941. E.1.

³ См.: Ibid. Г.1.

также весьма общие и применимые ко всему, что существует, идеи, наподобие единства или тождества, различия, сходства и несходства. А сутью метафизики, понимаемой как универсальная наука, является описание того, что Аристотель называет *категориями*. Это высшие или наиболее общие виды, к которым принадлежат все вещи. Задачей метафизика оказывается выявление этих высших видов, определение особенностей, характерных для каждой из категорий, и отношений, связывающих разные категории друг с другом. Занимаясь этим, метафизик, предположительно, создает для нас карту, отражающую структуру всего сущего.

Итак, перед нами две разные интерпретации аристотелевской метафизики: с одной стороны, представление о самостоятельной дисциплине, рассматривающей первые причины (в частности, Бога), а с другой — представление об универсальной или предельно общей дисциплине, задача которой — рассматривать вещи с точки зрения их бытия или существования и предоставлять нам общее описание всего бытия. На первый взгляд, эти две концепции метафизики противостоят друг другу. Сложно понять, как одна и та же дисциплина может одновременно быть самостоятельной и универсальной. Сам Аристотель отдает себе отчет в наличии этого противоречия и пытается показать, что оно лишь представляется таковым⁴. С одной стороны, он полагает, что наука о первых причинах будет выявлять причины, лежащие в основании сущностных свойств вещей — свойств, предполагающихся любыми другими свойствами, которые вещи могут проявлять. По-видимому, он готов сказать, что, поскольку вещи существуют или наличествуют в основном именно таким образом, наука, изучающая первые причины, будет просто наукой, исследующей бытие как таковое. С другой стороны, кажется, что, по его мнению, в число предметов, описанием которых занимается любая дисциплина, исследующая все существующее постольку, поскольку оно существует, входит Бог.

В средневековой аристотелевской традиции мы продолжаем встречаться с этим двойственным представлением о метафизике. Как и Аристотель, средневековые мыслители были убеждены, что два понятия о метафизике находят воплощение в рамках единой дисциплины — той, что, с одной стороны, стремится описать категориальную структуру реальности, а с другой — определить существование и природу Божественной Субстанции. Но, обратившись к метафизическим трудам континентальных рационалистов XVII и XVIII веков, мы сталкиваемся с концепцией метафизики, раздвигающей рамки метафизического проекта. Отрицая многие элементы аристотелевской метафизической теории, они соглашались с тем, что суть занятий метафизикой — выявление и изучение наиболее общих видов существующих вещей, и с тем, что при решении этой задачи важнейшую

⁴ См., в частности: *Aristotle. Metaphysics*. E.1.

роль играет отсылка к Божественной Субстанции и каузальной роли Бога. Однако то, что не рассматривалось в рамках аристотелевской метафизики, начинает рассматриваться как подходящий объект метафизического исследования. С точки зрения Аристотеля, исследованием подверженных изменениям физических объектов, прослеживанием различий между живым и неживым и выявлением того, что присуще именно и только людям, следовало заниматься в контексте скорее естественных наук или физики, чем метафизики. Но рационалисты, перед которыми простирался интеллектуальный ландшафт, где аристотелевская физика была вытеснена новой — более математической и экспериментальной — физикой, полагали, что эти проблемы являются метафизическими. По их мнению, метафизиков занимали не просто существование и природа Бога, но различие между сознанием и телом, то, как они взаимодействуют в человеке, а также природа и пределы свободы воли.

Мыслителя, воспитанного в аристотелевской традиции, этот новый подход к использованию термина «метафизика» озадачил бы. Вероятно, он бы заявил, что у рационалистов то, что должно было быть единой дисциплиной с одним предметом исследования, превращается в исследование мешанины никак не связанных друг с другом тем. Очевидно, рационалисты живо откликнулись на подобные вызовы и стремились обосновать новые дисциплинарные границы, устанавливаемые ими внутри философии. В конечном счете так возникла общая карта метафизической территории⁵. Их тезис состоял в том, что у метафизики один предмет — бытие. Поэтому задача метафизиков — описать природу бытия. Но есть множество разных перспектив, исходя из которых можно составить подобное описание, и этим разным перспективам соответствуют разные подразделы метафизики. Во-первых, бытие можно исследовать просто как таковое — как бытие. Поскольку это наиболее общая позиция, с которой можно изучать бытие, соответствующий раздел метафизики получил название *общей метафизики*. Однако рационалисты настаивали, что бытие можно также рассматривать со множества частных позиций. Когда это происходит, мы занимаемся той или иной ветвью того, что рационалисты называли *специальной метафизикой*. Так, можно размышлять о бытии как о том, что обнаруживается в подверженных изменениям вещах, — то есть с точки зрения его изменчивости. В этом случае мы занимаемся *космологией*. Также можно рассуждать о бытии как о том, что обнаруживается в разумных существах — например, нас самих. Исследовать бытие в этой перспективе — значит заниматься той областью специальной метафизики, которую рационалисты называли *рациональной психологией*. Наконец, можно изучать проявление бытия в

⁵ Обсуждение этой карты см. в статье о Кристиане Вольфе в кн.: *Edwards P. Encyclopedia of Philosophy*. New York: Macmillan, 1967.

Божественном — в этом случае мы занимаемся *естественной теологией*. Вполне очевидно, что понятия общей метафизики и естественной теологии у рационалистов соответствуют представлениям Аристотеля о метафизике как о совершенно универсальной науке, изучающей бытие как таковое, и как о самостоятельной дисциплине, исследующей первые причины. А вот утверждение, что космология и рациональная психология являются разделами метафизики, отражает новую, более обширную область знаний, связанную с метафизикой в системе рационалистов.

Но рационалистическая метафизика отличалась от метафизики Аристотеля не только своим предметом. Аристотель подходил к метафизике с осторожностью. Описывая категории, он старался не отступать от дофилософских представлений о мире. По его мнению, полностью реальные или первичные с точки зрения метафизики сущности являются привычными для рассудка объектами (например, конкретными лошадьми и конкретными людьми). И даже говоря о Боге или Недвижимом движителе, он хотел продемонстрировать преемственность между своей философской теорией и нашими дофилософскими убеждениями относительно причинно-следственной структуры мира. Результатом стала относительно консервативная метафизика. Метафизические теории рационалистов, напротив, были отнюдь не консервативны. В их руках метафизика превращалась в абстрактные спекулятивные системы, весьма далекие от какой бы то ни было узнаваемой картины мира, отвечающей здравому смыслу. Достаточно лишь бегло взглянуть на труды таких мыслителей, как, скажем, Спиноза или Лейбниц, чтобы оценить экстравагантность рационалистической метафизики.

В высшей степени абстрактная и спекулятивная природа рационалистической метафизики сделала ее естественной мишенью для критики эмпириков. Они настаивали, что любое притязание на знание должно быть обосновано чувственным опытом, и утверждали, что поскольку никакой опыт никогда не сможет обосновать суждения, из которых слагаются метафизические системы рационалистов, то притязания последних на обладание научным знанием о природе на самом деле являются сомнительными⁶. Более современная форма атаки встречается у Айера [Ayer, 1936]. И действительно, эмпирики часто выдвигали вполне убедительный тезис, что типичные для рационалистической метафизики суждения лишены смысла. По их мнению, все содержание наших концептуальных представлений заимствуется из содержания чувственного опыта. Поэтому они настаивали, что суждение обладает подлинным познавательным содержанием или

⁶ О классической атаке эмпириков на метафизику см. в кн.: *Hume D. Treatise of Human Nature* / L.A. Selby-Bigge (ed.) with revisions by P.H. Nidditch. Oxford: Oxford University Press, 1978.

осмысленностью лишь при условии, что используемые в нем понятия можно проанализировать или объяснить в терминах чистого чувственного содержания. Поскольку заявления метафизиков-рационалистов этому условию не отвечают, эмпирики заключали, что они представляют собой просто бессмысленные звуки.

В сочинениях Канта мы встречаемся с дальнейшей критикой метафизического проекта⁷. С точки зрения Канта, человеческое знание предполагает взаимодействие врожденных человеческим познавательным способностям понятий и неструктурированных данных чувственного опыта. Ощущения — это результат воздействия на наши субъективные способности восприятия внешнего по отношению к этим способностям мира. Они структурируются или организуются посредством врожденных понятий, и результатом этого становится объект познания. Таким образом, то, что мы называем объектом познания, не является чем-то внешним и независимым от нашего когнитивного механизма, но представляет собой результат применения врожденных концептуальных структур к субъективным состояниям наших способностей восприятия. Вызывающий эти субъективные состояния мир нам недоступен, поскольку является миром самим по себе: мы воспринимаем его только в той степени, в которой он на нас воздействует, в которой он предстает перед нами. Итак, объект познания нуждается в содержании чувственного восприятия, как у эмпириков; но нужно и нечто большее. Это содержание должно обобщаться и организовываться посредством концептуальных структур, которые возникают не из чувственного опыта. Однако Кант настаивает, что как содержание чувственного опыта создает объект познания, только если его структурируют врожденные понятия, так и врожденные концептуальные структуры приводят к появлению объекта познания, только если их применить к содержанию чувственного опыта, для которого они задают принципы унификации и организации.

Далее, с точки зрения Канта, метафизика, будь то рационалистическая или аристотелевская, представляет собой попытку узнать, что лежит за пределами чувственного опыта человека. Она ищет ответы на вопросы, ответить на которые чувственный опыт не в состоянии; это вопросы о бессмертии души, существовании Бога и свободе воли. Она сулит нам знание об этих предметах. Однако в попытке добыть такое знание метафизика обращается к концептуальным структурам, лежащим в основе менее проблематичных форм знания: например, тех, к которым отсылают при обсуждении субстанций, причинности и событий. Но поскольку соответствующие структуры производят знание лишь в том случае, если применять их к не-

⁷ См.: *Kant I. Critique of Pure Reason / N.K. Smith (trans.). London: Macmillan, 1929; особенно предисловие ко второму изданию и «Трансцендентальную диалектику».*